

Структура системы субъектов коррупционных преступлений по законодательству Украины

The Structure of the System of Corruption Crime Subjects according to the Legislation of Ukraine

Вячеслав Гладкий¹
Viacheslav Hladky

¹ *Interregional Academy of Personnel Management*
2 Frometivska street, Kyiv, 03039, Ukraine

DOI: [10.22178/pos.45-4](https://doi.org/10.22178/pos.45-4)

JEL Classification: D73

Received 13.03.2019
Accepted 27.04.2019
Published online 30.04.2019

Corresponding Author:
hladky@hotmail.com

Аннотация. Феномен коррупции, как известно, характерен практически для всех сфер жизнедеятельности человека. Потому, закономерным было бы предположить, что антикоррупционное законодательство будет сообразным образом запрещать коррупционные деяния всем субъектам, что способны объективировать в фактической действительности господство коррупции. Данный вопрос крайне актуален, принимая во внимание следующий факт: если существуют группы субъектов, которые своими действиями (или бездействием) обуславливают коррупцию, но они не рассматриваются законодателем в качестве субъектов коррупционных преступлений, соответственно, нельзя говорить ни о должной эффективности антикоррупционного законодательства, ни о надлежащем качестве антикоррупционной деятельности. Вместе с тем, анализируя законодательство различных государств, можно прийти к выводу, что в мире до сих пор не существует единого перечня субъектов коррупционных преступлений, что, с одной стороны, связано с различным подходом к пониманию феномена коррупции, а, с другой стороны – делает невозможным формулирование соответствующей унифицированной дефиниции.

В статье автором осуществляется попытка систематизировать исчерпывающий перечень субъектов коррупционных преступлений по действующему законодательству Украины. Соответствующей систематизации субъектов коррупционных преступлений предваряет изложение общего представления о субъекте коррупционного преступления в Украине, в рамках чего, автор выделяет основные свойства данных субъектов. При этом, исходя из деления субъектов преступления в теории уголовного права на общие и специальные субъекты, впервые формулируется «Обобщённая интерпретация структуры субъектов коррупционных преступлений по законодательству Украины» путём деления возможных участников коррупционных отношений, соответственно, на группы общего и специального субъектов указанных преступлений. Группа общего субъекта коррупционного преступления охватывает всех лиц, которые способны считаться субъектами преступления в принципе. Группа специального субъекта коррупционного преступления составляет группу лиц, которой объединены следующие типы субъектов: публичное должностное (служебное) лицо; приравнённое к публичному должностному (служебному) лицу; топ-менеджеры юридических лиц частного права и лица, оказывающие услуги; кандидаты на публичные выборные должности; отдельные категории физических лиц, выполняющих особую роль в жизни общества и государства.

Ключевые слова: должностное лицо; уголовное право; коррупционное преступление; противодействие коррупции; субъект коррупционного преступления; субъект преступления.

© 2019 The Author. This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Abstract. As it is known, the phenomenon of corruption, is characteristic of virtually all spheres of human activity. Therefore, it would be logical to assume that anti-corruption legislation will accordingly prohibit corruption acts for all entities that are capable to objectify the fact of the dominance of corruption in objective reality. This question is extremely relevant, taking into account the following fact: if there are groups of subjects that by their actions (or inaction) cause corruption, but they are not considered by the legislator as subjects of corruption crimes, accordingly, one can speak neither about the proper effectiveness of anti-corruption legislation, nor about the proper quality of anti-corruption activities. At the same time, analyzing the laws of various states, we can conclude that there is still no unified list of subjects of corruption crimes in the world, which, on the one hand, is associated with a different approach to understanding the phenomenon of corruption, and, on the other hand, makes it impossible to formulate a corresponding unified definition.

In the article the author attempts to systematize an exhaustive list of subjects of corruption crimes under the current legislation of Ukraine. The corresponding systematization of the subjects of corruption crimes is preceded by an outline of the general idea of the subject of corruption crime in Ukraine, within which, the author identifies the main characteristics of these subjects. At the same time, based on the division of crime subjects in the theory of the criminal law into general and special ones, the "Generalized interpretation of the structure of subjects of corruption crimes under the legislation of Ukraine" is formulated for the first time by dividing possible participants of corruption relations, respectively, into groups of general and special subjects of these crimes. The group of general subjects of corruption offense covers all individuals, capable of being considered subjects of a crime in principle. The group of special subjects of corruption offense is a group of people, which includes the following types of subjects: a public official; a person, equivalent to a public official; top managers of legal entities of private law and individuals, providing services; candidates for public elective posts; separate categories of individuals, performing a special role in the life of society and state.

Keywords: official; criminal law; corruption crime; counteraction to corruption; subject of a corruption crime; subject of crime.

ВВЕДЕНИЕ

Польский учёный К. В. Фриске (*Kazimierz Wojciech Frieske*) высказывает предположение о существовании следующей объективной закономерности: чем больше мы пытаемся понять социальный мир, тем сложнее представляется структура его анализа и, тем в меньшей мере мы оказываемся способными сформулировать простые зависимости, сообщающие нам о том, как закон формирует социальный мир, который нас окружает [1, с. 110–111]. Вместе с тем, очерченная логика (внешне крайне схожая по своей сущности с Парадоксом Брайерса) в объективной действительности касается не только закона, но и практически любого предмета, действия и феномена, влияющего на мир в целом (познавая явление, мы обнаруживаем систему, осмысливая которую, непременно сталкиваемся с тем, что данная система более сложная, нежели нам представлялась ранее, а имеющиеся у нас представления о явлении по своему качеству малозначительны). Ука-

занное мы называем «ускользающими факторами», т. е. обстоятельствами, влияющими на мир и субъекты (хотя субъекты могут также влиять на мир и на себя самих), объекты в нём, сущность и природа которых (а также их влияния) становятся в той или иной степени менее понятными (и/или же объяснимыми) в связи с углублением знаний о сущности и природе этих факторов и их объективный, субъективный эффект (влияние) [2, с. 35].

Среди этих «ускользающих факторов» следует назвать и коррупцию – явление, означающее деформацию сложившегося порядка «просьбы-предоставления-получения» публичных благ или покушение на незыблемость данного порядка, что объективно обусловливаются девиантными (в юридическом и/или социальном контексте) действиями, осуществляемыми [3, с. 63–64]:

(1) лицом, обладающим властью и реальным влиянием (как следствие занимаемой этим лицом должности в государственной или му-

ниципальной службе, либо выполнением особой роли в жизни общества), а также злоупотребляющим данной властью (и влиянием) в обмен на предметы и/или услуги, удовлетворяющие его частный интерес или интерес отдельных групп людей, находящихся под неправомерным покровительством соответствующего лица;

(2) лицом, которое желает получить благо для себя или для третьих лиц (также – лишить блага кого-либо), предлагает (а так же – предоставляет) лицу, обладающему властью и/или соответствующим реальным влиянием, неправомерную коррупционную выгоду с тем, чтобы получить соответствующее благо;

(3) лицом, способствующим активными или пассивными действиями совершению коррупционных деяний.

Таким образом, ключевым инструментом в объективации феномена коррупции следует назвать человека, а, прежде всего, того, кто является субъектом коррупции.

Именно потому, не вызывает сомнений необходимость исследования субъекта коррупционного преступления в Украине, попутно определяя при этом преимущества и недостатки соответствующего правового регулирования. В практической плоскости обозначенный вопрос представляется актуальным в силу того, что Украина на сегодняшний день представляется одной из наиболее коррумпированных государств в мире, а множественные антикоррупционные преобразования в данном государстве на фоне тотального господства соответствующего феномена во всей вертикали власти, вызывают в основном лишь горькое разочарование. При этом, что примечательно, «украинское общество, осуждавшее коррупционность политического режима, изменённого в 2014 г., по сей день является активным участником поддержания продолжающегося господства коррупции в Украине» [4, с. 124].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общее представление о субъекте коррупционного преступления в контексте украинского закона об уголовной ответственности

Сначала следует обратить внимание на то, что в украинском законе об уголовной ответственности (как это следует из названия раз-

дела IV Уголовного кодекса Украины) «субъект преступления» является синонимичным термином понятию «лицо, подлежащее уголовной ответственности». При этом в ч. 1 ст. 18 УК Украины закрепляется правило, в силу которого «субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, совершившее преступление в возрасте, с которого в соответствии с настоящим Кодексом может наступать уголовная ответственность». В свою очередь понятие «субъект коррупционного преступления» является производным от понятия «субъект преступления». Иными словами, характеристика субъекта данного преступления состоит из характеристики субъекта преступления в целом (т. е., как такового) и учитывает определённые особенности, обусловленные, в частности, самим феноменом коррупции, соответствующими правоотношениями. Указанное является вполне закономерным, ведь юридически значимые признаки, характеризующие субъект рассматриваемого уголовного преступления неразрывно связаны со всеми другими элементами состава коррупционного преступления и представляются чрезвычайно важными при решении вопроса о квалификации деяния, совершённого лицом.

Принимая во внимание ч. ч. 1 и 2 ст. 18 УК Украины и теоретико-методологические подходы к пониманию системы структуры характеристики субъекта коррупционного преступления, приходим к выводу, что к общим особенностям рассматриваемого субъекта следует относить:

(1) возраст, что допускает возможность привлечения лица к уголовной ответственности;

(2) вменяемость лица, совершающего общественно опасное деяние, за которое предусмотрена уголовная ответственность (в контексте двух критериев вменяемости: юридического и патопсихологического [5, с. 295–298]; психиатрического).

Кроме этого, критический анализ действующего уголовного законодательства Украины позволяет утверждать, что субъектам коррупционного преступления характерны все черты общего субъекта преступления, а отдельным из них – также и определённые, характерные только для них (или же субъектам типичных преступлений), квалифицирующие особенности, являющиеся теми атрибутивными чертами данных субъектов, которые в

совокупности позволяют отделять их от общего субъекта преступления (хотя, разумеется, не каждая «особая» черта субъекта является основанием для того, чтобы считать его специальным субъектом), а также концептуализировать их. Из этого можно заключить следующее: хотя коррупция – это специфический феномен, вместе с тем, субъект коррупционного преступления не обязательно является специальным субъектом данного преступления. Впрочем, указанный субъект, вне сомнения, всегда является особым субъектом преступления, что обусловлено самим феноменом коррупции, социально-правовым характером коррупционных отношений.

Одновременно с этим, принимая во внимание разделение субъектов преступления в теории уголовного права на общие и специальные, можно сформулировать *обобщённую интерпретацию структуры субъектов коррупционных преступлений*, разделяя всех участников коррупционных отношений (группу субъектов коррупционных преступлений) в Украине, соответственно, на группы общего и специального субъектов указанных преступлений.

Группа общего субъекта коррупционного преступления

Группа общего субъекта коррупционного преступления охватывает всех лиц, которые способны:

(1) считаться субъектами преступления, т. е. характеризуются «физичностью», «натуральностью» (иными словами, элементом правового статуса лица, на основании которого данное лицо можно отнести к физическим лицам, что имеет важнейшее значение в теории уголовного права постсоветских стран, учитывая тот факт, что субъектом преступления может быть лишь физическое лицо), вменяемостью и достижением возраста, с которого их можно привлечь к уголовной ответственности;

(2) выполнять в коррупционных отношениях, как правило, роль «получателя неправомерной выгоды», «коррупционного посредника», «получателя конечной неправомерной выгоды».

Беря во внимание тот факт, что общий субъект коррупционного преступления фактиче-

ски тождественен общему субъекту преступления по уголовному законодательству Украины, специфическим вопросом его уголовно-правовой характеристики будет возраст преступника. Обратим внимание на то, что украинский уголовный закон, также, как, например, и российский, законодательно устанавливает дифференцированные возрастные пределы для привлечения лица к уголовной ответственности: общий предел – 16 лет (ч. 1 ст. 22 УК Украины и ч. 1 ст. 20 УК РФ) – практически за все преступления, что способен совершить общий субъект преступления; нижний предел – 14 лет (ч. 2 ст. 22 УК Украины и ч. 2 ст. 20 УК РФ) – за совершение определённых преступлений, исчерпывающий перечень которых приведён в законе об уголовной ответственности.

Обобщающий анализ перечня преступлений, за которые подлежат уголовной ответственности лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, даёт основание для следующего вывода:

(1) законодателем в отношении обозначенной категории лиц был снижен «возрастной порог», в основном, лишь в отношении насильственных и имущественных преступлений;

(2) среди преступлений, за совершение которых подлежат уголовной ответственности лица в возрасте от 14 до 16 лет отсутствуют коррупционные преступления.

Указанная дифференциация возрастных пределов, вне сомнения, учитывает, что способность осознавать фактическое значение и социальный смысл своего поведения возникает у человека, совершающего преступление, «с момента достижения им соответствующего уровня социализации (зрелости, связанной с достижением определённого возраста)» [6, с. 63]. Именно потому, по мнению учёных Г. А. Вартанян и О. Р. Онищенко, соответствующая дифференциация обуславливается тем, что законодатель, устанавливая общий возраст уголовной ответственности с 16 лет, а за отдельные преступления – с 14 лет, учитывает, что с достижением данного возраста несовершеннолетний в полной мере способен оценивать своё поведение, в т. ч. и преступное [7, с. 207].

Между тем, если в очерченном вопросе имеет значение именно способность лица «зрело» оценивать своё поведение, то важно отметить в этом контексте также и наблюдаемую социальную акселерацию в постсоветском обществе. Если в конце XX ст. и начале XXI ст. исследователи повседневной жизни современного американского общества, отмечали ускорение практически всего (любви, жизни, речи, политики, работы, телевидения, досуга и т. д.) [8, с. 1526; 9, с. 3], то на сегодняшний день следует уже констатировать акселерация «всего» и на территории бывшего СССР. Данное обстоятельство непременно отражается также и на темпах, характере социализации человека. Потому, обратим внимание на тот факт, что в связи со стремительным ускорением социальных процессов, развитием общественных отношений и широтой возможности реализации людьми разных возрастов своего потенциала, можно заметить и то, что в информационный век наибольшего уровня самореализации и реализации в обществе достигает не тот, кто стал полноценной личностью, обрёл необходимый объём правосубъектности, в должной мере социализировался (ресоциализировался), а тот, кто в надлежащей мере понимает логику социального взаимодействия человека в новых условиях [10, с. 35–36], чего и требуют от человека высокие темпы развития современного общества. При этом, анализируя существующую действительность, можно убедиться в том, что указанную логику социального взаимодействия в большей мере осмысливают представители «молодого поколения», являющиеся более эластичными к воздействию условий постоянно и быстро изменяемой действительности (также этому благоприятствует широкий доступ к сети Интернет, множество Интернет-ресурсов, посредством которых ребёнок, обладающий множеством свободного времени и усердием, может социально «реализоваться»). Соответственно, можно говорить также и о том, что расширение возможностей реализации в информационном веке обуславливает и смещение общественных ролей между различными поколениями людей, а именно – расширение общественной роли тех молодых людей, которые, ещё не обладая полной дееспособностью, могут владеть значительным капиталом и активно участвовать в общественной жизни.

Разумеется, вполне закономерно, что общество, пытаясь сохранить свои позиции и правопорядок, всегда обращает внимание на уровень социальной ответственности (по смыслу респонсивности) и юридической ответственности (по смыслу лиабилитивности), сдерживая всякого субъекта и новые группы субъектов от искажения существующего баланса отношений между обществом и личностью (как проекцией общества, сквозь призму опыта отдельного человека). Тем не менее, представляется крайне несправедливым игнорирование законодателем того факта, что на сегодняшний день внушительное количество людей способно в значительной мере влиять на жизнеспособность общества и его благополучие в более раннем возрасте, нежели представители прежних поколений (и данное обстоятельство имеет тенденцию к большему закреплению в объективной действительности).

На основании изложенного, в качестве обобщающего вывода подчеркнём, что значительным упущением современного уголовного законодательства Украины (также и ряда иных государств) в части определения минимальных пределов возраста, с которого может наступать уголовная ответственность (нижнего и общего возрастного порога), является то, что данный предел преимущественно ориентирован на предотвращение насильственных и имущественных преступлений, совершаемых лицами, достигшими четырнадцатилетнего возраста, игнорируя при этом необходимость противодействия в данном контексте совершению данной категории лиц также и коррупционных деяний.

Ввиду этого, целесообразным видится необходимость дополнения перечня преступлений, за совершение которых уголовной ответственности подлежат лица в возрасте от 14 до 16 лет, а, т. е., ч. 2 ст. 22 УК Украины коррупционными преступлениями, которые могут совершать лица в соответствующем возрасте, в частности, статьи: 354 (подкуп работника предприятия, учреждения или организации), 368-3 (подкуп должностного лица юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы), 368-4 (подкуп лица, которое предоставляет публичные услуги), 369 (предложение, обещание или предоставление неправомерной выгоды должностному лицу) Закона об уголовной ответственности Украины.

Группа специального субъекта коррупционного преступления

Группа специального субъекта коррупционного преступления составляет группу лиц, которой объединены следующие типы лиц:

1. *Публичное должностное (служебное) лицо.* Принимая во внимание Конвенцию Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г. (подписана Украиной 27 января 1999 г., однако, до сих пор ею не ратифицирована) и Конвенцию ООН «Против коррупции» 2003 г. (подписана Украиной 11 декабря 2003 г. и ратифицирована 02 декабря 2009 г.), можно утверждать, что их нормы устанавливают уголовную ответственность специальных субъектов к которым относятся: публичное должностное лицо [11, с. 39–40]: (1) любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, на возмездной основе или же без оплаты труда независимо от уровня должности этого лица; (2) любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в т. ч. для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее публичную услугу, как это установлено во внутреннем законодательстве государства-участника; (3) любое другое лицо, определяемое в качестве публичного должностного лица во внутреннем законодательстве государства-участника; иностранное публичное должностное лицо, т. е. любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо функцию для иностранного государства, в т. ч. для публичного ведомства или публичного предприятия; должностное лицо публичной международной организации – международный гражданский служащий или любое лицо, которое такая организация уполномочила действовать от её имени.

В то же время в Украине понятие «должностное лицо» законодателем конкретизируется в ч. ч. 3 и 4 ст. 18 УК Украины. В соответствии с данными нормами, должностными лицами считаются лица:

(1) постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителей власти (или местного самоуправления);

(2) постоянно или временно занимающие в органах государственной власти (в органах местного самоуправления, на предприятиях, в учреждениях или организациях) должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных (или административно-хозяйственных) функций, или же выполняют данные функции по специальному полномочию, которым лицо наделяется полномочным органом государственной власти (органом местного самоуправления, центральным органом государственного управления со специальным статусом, полномочным органом или полномочным должностным лицом предприятия, учреждения, организации, судом) или законом.

Кроме того, должностными лицами (прежде всего, для целей ст. ст. 364, 368, 368-2, 369 УК Украины) также признаются должностные лица иностранных государств (лица, занимающие должности в законодательном, исполнительном или судебном органе иностранного государства, в частности, присяжные заседатели, другие лица, которые осуществляют функции государства для иностранного государства, в т. ч. для публичного ведомства или публичного предприятия), иностранные третейские судьи, лица, уполномоченные решать гражданские, коммерческие или трудовые споры в иностранных государствах в порядке, альтернативном судебному, должностные лица международных организаций (работники международной организации или любые другие лица, уполномоченные такой организацией действовать от её имени), а также члены международных парламентских ассамблей (участником которых является Украина), судьи и должностные лица международных судов.

Однако, изложенный в ч. ч. 3 и 4 ст. 18 УК Украины подход к определению понятия «должностное лицо» не является универсальным для всех случаев применения данного понятия в украинском законе об уголовной ответственности. Исключения из обозначенного правила составляют следующие случаи: злоупотребление властью или служебным положением (ст. 364 УК Украины), принятие предложения, обещания или

получения неправомерной выгоды должностным лицом (ст. 368 УК Украины), незаконное обогащение (ст. 368-2 УК Украины), предложение, обещание или предоставление неправомерной выгоды должностному лицу (ст. 369 УК Украины). Должностными лицами в указанных случаях являются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителей власти или местного самоуправления, а также занимающие постоянно или временно в органах государственной власти, органах местного самоуправления, на государственных или коммунальных предприятиях (для целей указанных статей к этим предприятиям приравниваются юридические лица, в уставном фонде которых соответственно государственная или коммунальная часть превышает 50 % или составляет величину, обеспечивающую государству или территориальной общине право решающего влияния на хозяйственную деятельность этого предприятия), в учреждениях или организациях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, или выполняют такие функции по специальному полномочию, которым лицо наделяется полномочным органом государственной власти, органом местного самоуправления, центральным органом государственного управления со специальным статусом, полномочным органом или уполномоченным лицом предприятия, учреждения, организации, судом или законом.

Уточняются все указанные субъекты в ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» от 14 октября 2014 г. № 1700-VII. В частности, в п. 1 ч. 1 ст. 3 данного законодательного акта устанавливается правило, в соответствии с которым субъектами, на которых распространяются действие соответствующего Закона, являются *лица, уполномоченные на выполнение функций государства или местного самоуправления*. Между тем, к соответствующим лицам относятся:

(1) Президент Украины (т. е. глава государства), Председатель Верховной Рады Украины (т. е. национального парламента; *далее* – ВРУ), его Первый заместитель и заместитель, Премьер-министр Украины, Первый вице-премьер-министр Украины, вице-премьер-министра Украины, министры, иные руководители центральных органов исполнитель-

ной власти, не входящие в состав Кабинета Министров Украины (т. е. в состав национального правительства; *далее* – КМУ), и их заместители, Председатель Службы безопасности Украины (*далее* – СБУ), Генеральный прокурор, Глава Национального банка Украины, Председатель и другие члены Счётной палаты, Уполномоченный ВРУ по правам человека, председатель Верховной Рады АРК, председатель Совета Министров АРК;

(2) народные депутаты Украины, депутаты Верховной Рады АРК, депутаты местных советов, сельские, посёлковые, городские головы;

(3) государственные служащие, должностные лица местного самоуправления;

(4) военные должностные лица Вооружённых Сил Украины, Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины и других образованных в соответствии с национальными законами военных формирований (кроме военнослужащих срочной военной службы, курсантов высших военных учебных заведений, курсантов высших учебных заведений, имеющих в своём составе военные институты, курсантов факультетов, кафедр и отделений военной подготовки);

(5) судьи, судьи Конституционного Суда Украины, Председатель, заместитель Председателя, члены, инспекторы Высшего совета правосудия (*далее* – ВСП), должностные лица секретариата ВСП, Председатель, заместитель Председателя, члены, инспекторы Высшей квалификационной комиссии судей Украины (*далее* – ВККС), должностные лица секретариата ВККС, должностные лица Государственной судебной администрации Украины, присяжные (во время выполнения ими обязанностей в суде);

(6) лица рядового и начальствующего состава государственной уголовно-исполнительной службы, налоговой милиции, лица начальствующего состава органов и подразделений гражданской защиты, Государственного бюро расследований (*далее* – ГБР), Национального антикоррупционного бюро Украины (*далее* – НАБУ);

(7) должностные и служебные лица органов прокуратуры, СБУ, ГБР, НАБУ, дипломатической службы, государственной лесной охраны, государственной охраны природно-

заповедного фонда, центрального органа исполнительной власти, который обеспечивает формирование и реализацию государственной налоговой политики и государственной политики в сфере государственного таможенного дела;

(8) члены Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции;

(9) члены Центральной избирательной комиссии Украины;

(10) полицейские;

(11) должностные и служебные лица иных государственных органов, органов власти АРК;

(12) члены государственных коллегиальных органов;

2. *Приравнённое к публичному должностному (служебному) лицу лицо.* Согласно п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» данный законодательный акт также распространяет своё действие на лиц, приравняемых к лицам, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления. Круг соответствующих лиц составляют:

(1) *топ-менеджеры юридических лиц публичного права*, а именно: должностные лица юридических лиц публичного права, не являющиеся лицами, уполномоченными на выполнение функций государства или местного самоуправления; лица, входящие в состав наблюдательного совета государственного банка, государственного предприятия или государственной организации, преследующей в качестве цели получение прибыли;

(2) *лица, предоставляющие публичные услуги, не будучи лицами, уполномоченными на выполнение функций государства или местного самоуправления*, т. е.: аудиторы, нотариусы, частные исполнители, оценщики, а также эксперты, арбитражные управляющие, независимые посредники, члены трудового арбитража, третейские судьи во время выполнения ими указанных функций, другие лица, определённые законом.

В отличие от первого типа рассматриваемых субъектов, на которых распространяет своё действие Закон Украины «О предотвращении коррупции» («публичные должностные лица»), лица, предоставляющие публичные услуги, не являются лицами, выполняющими публичную функцию. Собственно, в этом за-

ключается концептуальная разница между указанными группами лиц: если «публичные должностные (служебные) лица» (например, судьи, прокуроры, государственные служащие, должностные лица местного самоуправления) могут быть субъектом коррупционного преступления при получении ими коррупционных преимуществ в связи с выполнением публичной функции (например, функции правосудия, охраны правопорядка), то лица, предоставляющие публичные услуги, становятся субъектами коррупционного преступления (по смыслу подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции») ввиду получения ими коррупционных преимуществ в связи с предоставлением указанной услуги.

Необходимо отметить, что законодательное указание на признак «предоставление публичных услуг» обуславливает тот факт, что коррупция, осуществляемая соответствующими лицами, называется в зарубежной научной литературе (главным образом, под авторством польских юристов и экономистов) т. н. «конторской (канцелярской) коррупцией» (*korupcja urzędniczą*) [12, с. 46; 13, с. 926; 14, с. 39] (соответственно, речь идёт об административной коррупции), что позволяет исследователям более широко понимать понятие «публичная услуга», а также осмысливать диалектическую связь между соответствующей услугой и субъектом, который её предоставляет, не выполняя при этом публичной функции.

В связи с этим, концептуальным недостатком подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» является тот факт, что среди перечисленных лиц не указано (не выделены в отдельный подпункте п. 2 указанной части статьи Закона) членов окружной, территориальной и участковой избирательной комиссии, с учётом специфики избирательного процесса в Украине, что, как показывает новейшая история данного государства, достаточно тесно связан с electoralной коррупцией во всех её проявлениях, которая, между тем, довольно часто приводит к существенной социальной напряжённости в обществе, обуславливающей массовые политические протесты, поглощающие государство [15, с. 89, 182; 16, с. 16]. И, разумеется, данный вопрос всё более актуализируется в преддверии президентских выборов 2019 г. и последующих парламентских выборов.

Существенным недостатком подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» можно считать и то, что ним игнорируется необходимость в закреплении в перечне указанных лиц помощников судей (также секретарей судебных заседаний и других работников суда), помощников прокуроров (иных сотрудников прокуратуры), помощников других должностных и выборных лиц, в т. ч., помощников народных депутатов Украины, депутатов местных, сельских и посёлковых советов;

(3) *специальные представители общественности*, т. е., представители общественных объединений, научных учреждений, учебных заведений, экспертов соответствующей квалификации, другие лица, входящие в состав конкурсных комиссий, образованных в соответствии с законами Украины «О государственной службе» от 10 декабря 2015 г. № 889-VIII, «О службе в органах местного самоуправления» от 7 июня 2001 г. № 2493-III, Общественного совета добропорядочности, образованного в соответствии с Законом Украины «О судостроительстве и статусе судей» от 2 июня 2016 г. № 1402-VIII, общественных советов, советов общественного контроля, образованных при государственных органах и участвующих в подготовке решений по кадровым вопросам, подготовке, мониторинга, оценке выполнения антикоррупционных программ, и при этом не являющиеся лицами, указанными в п. 1, подп. «а» п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции»;

3. *Топ-менеджеры юридических лиц частного права и лица, оказывающие услуги*. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» к соответствующим лицам относятся те лица, что постоянно или временно занимают должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или же административно-хозяйственных обязанностей, или специально уполномоченные на выполнение данных обязанностей в юридических лицах частного права независимо от организационно-правовой формы, а также иные лица, не являющиеся должностными лицами и которые выполняют работу или предоставляют услуги в соответствии с договором с предприятием, учреждением, организацией (в случаях, предусмотренных Законом Украины «О предотвращении коррупции»).

Как усматривается, указанная норма Закона охватывает не только собственно «топ-менеджеров» юридических лиц частного права, но и всех наёмных работников, выполнение трудовой функции которыми выражается в предоставлении услуг, что, соответственно, можно осмыслить в качестве блага, способного по своей сущности содействовать возникновению коррупционных отношений между таким работником и клиентом (потенциальным клиентом) соответствующего юридического лица или же его конкурента.

Впрочем, значительным упущением Закона Украины «О предотвращении коррупции» можно считать тот факт, что его нормы не распространяются на всех лиц, обладающих трудовой правосубъектностью и реализующих своё право на труд на основании трудового договора. Таким образом, законодателем был бы совершён серьёзный шаг, в частности, на пути к приоритезации вступления работодателя (как правило, именно данный субъект трудового права решает вопрос об официальнойности отношений с работником по поводу труда) в трудовые отношения на основании трудового договора (а не на внедоговорных началах или на основании гражданско-правовых договоров). Однако же, отметим, что указанная приоритезация была бы закономерной только тогда, когда привлечение работника (как субъекта коррупционного преступления) к юридической ответственности предоставляло бы соответствующие права для работодателя (например, возможность привлечения к материальной ответственности за упущенную выгоду; хотя, как известно, в Украине работников не привлекают к данной ответственности за упущенную выгоду, считаем, что коррупционная практика, осуществляемая работником, могла бы быть целесообразным исключением из соответствующего общего правила, закреплённого действующим законодательством о труде). Кроме того, распространение действия Закона Украины «О предотвращении коррупции» на всех работников позволяло бы в полной мере воспитать граждан в антикоррупционной культуре (выработка «*антикоррупционного автоматизма*») и привести действующее антикоррупционное законодательство Украины к требованиям международно-правовых актов о предотвращении коррупции, распространяющее своё действие также на работников юридических лиц (и ор-

ганизаций, не являющихся юридическими лицами, однако правомерно созданными и действующими в соответствии с национальным законодательством), работающих в любом качестве.

В общем, говоря о «сотрудниках организации частного сектора», по мнению Р.А. Сорочкина, следует говорить о сотрудниках юридических лиц, право собственности на которых полностью или же в некоторой части принадлежит физическим или юридическим лицам, за исключением государства, в силу чего это юридическое лицо можно признать «организацией частного сектора». Вместе с тем, принимая во внимание нормы Конвенции ООН против коррупции 2003 г., важно иметь в виду и то, что в рассматриваемом контексте сотрудники обозначенных организаций осуществляют коррупционные преступления, не связанные с предоставлением «публичных услуг», «в противном случае они относятся к иной категории субъектов коррупционных преступлений (лиц, состоящих на государственной или муниципальной службе)» [17, с. 125–126]. Отнесение к субъектам, на которых распространяет своё действие Закон Украины «О предотвращении коррупции», всех работников, работающих в «любом качестве», в полной мере учитывало бы реальные обстоятельства практической действительности, при которых даже работники, трудовая функция которых сопряжена с предоставлением услуг, могут осуществлять общественно опасные деяния, являются таковыми *as such* (в частности, выполнять роль «коррупционного посредника», «получателя конечной коррупционной выгоды» и др.);

4. *Кандидаты на публичные выборные должности*, главным образом, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» таковыми являются:

(а) кандидаты в народные депутаты Украины, зарегистрированные в порядке, установленном Законом Украины «О выборах народных депутатов Украины» от 17 ноября 2011 г. № 4061-VI;

(б) кандидаты на пост Президента Украины, зарегистрированные в порядке, установленном Законом Украины «О выборах Президента Украины» от 5 марта 1999 г. № 474-XIV;

(в) кандидаты в депутаты Верховной Рады АРК, областных, районных, городских, район-

ных в городах, сельских, посёлковых советов, а также кандидаты на должности сельских, посёлковых, городских голов и старост;

5. *Отдельные категории физических лиц, выполняющих особую роль в жизни общества и государства*. К соответствующим лицам, учитывая содержание п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции», относятся:

(1) *получатели имущественной донорской помощи*, т. е. лица, получающие средства, имущество в рамках реализации в Украине программ (проектов) технической или иной, в т. ч. безвозвратной, помощи в сфере предотвращения, противодействия коррупции (как непосредственно, так и за счёт третьих лиц или любым иным способом, предусмотренным соответствующей программой (проектом)).

Учитывая широту круга указанных лиц, считаем, что законодателем в абз. 1 п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» неоправданно проигнорировано группу грантополучателей, донорская помощь которым предоставляется в неимущественном виде (например, перевод иноязычных текстов, техническая помощь по адаптации тех или иных национальных стандартов к соответствующим международным регламентам и т. п.), однако, может стать предметом коррупционной практики;

(2) *физические лица, задействованные на возмездной основе в процессе предотвращения коррупции*, т. е. лица, систематически, в течение года, выполняющие работы, предоставляющие услуги по имплементации стандартов в сфере антикоррупционной политики, мониторинга антикоррупционной политики в Украине, подготовке предложений по вопросам формирования, реализации данной политики – если финансирование (оплата) соответствующих работ (услуг) осуществляется непосредственно или через третьих лиц за счёт технической или же иной, в т. ч. безвозвратной, помощи в сфере предотвращения, противодействия коррупции;

(3) *топ-менеджеры предпринимательских обществ и объединений, занимающихся антикоррупционной деятельностью*, т. е. лица, являющиеся руководителями или входящие в состав высшего органа управления, иных органов управления общественных объедине-

ний, иных предпринимательских обществ, осуществляющих деятельность, связанную с предотвращением, противодействием коррупции, имплементацией стандартов в сфере антикоррупционной политики, мониторингом антикоррупционной политики в Украине, подготовкой предложений по вопросам формирования, реализации такой политики, и/или участвуют, привлекаются к осуществлению мероприятий, связанных с предотвращением, противодействием коррупции.

Вероятно, в полной мере целесообразным было бы распространить действие абз. 3 п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» всех участников указанных объединений, несмотря на их коррупционные возможности, ведь украинская практика последних лет показывает, что ряд общественных организаций антикоррупционной направленности достаточно часто являются влиятельными «коррупционными активистами». Помимо того, полагаем, что указанная норма Закона не должна ограничиваться только организациями, занимающимися антикоррупционной деятельностью, а, как минимум, должна касаться (возможно, в пределах отдельного абзаца пункта части рассматриваемой статьи Закона) также всех общественных организаций (иных предпринимательских обществ), которые частично финансируются из государственного или местного бюджета.

Также в указанной норме неоправданно отдельно не названы субъекты профессионального спорта несмотря на то, что сфера спорта в данной стране является достаточно коррумпированной. Неоправданно не считается коррупционным преступлением также противоправное влияние на результаты официальных спортивных соревнований (в частности, путём подкупа, принуждения или подстрекательства или вступления в сговор о результатах официального спортивного соревнования с целью получения неправомерной выгоды для себя или третьего, лица или получения в результате таковых деяний неправомерной выгоды для себя или третьего лица), ответственность за которое предусмотрено ст. 369-3 УК Украины. Несмотря на это, видим целесообразность в признании указанных деяний коррупционными, а, соответственно – в дополнении п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона Украины «О предотвращении коррупции» четвёртым абзацем, содержащим указание на

распространение данного законодательного акта на спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд и на других участников профессиональных спортивных соревнований (не исключая также и членов жюри коммерческих спортивных конкурсов и соревнований).

Наряду с тем, Закон Украины «О предотвращении коррупции» также должен содержать отдельную норму, прямо указывающую на возможность распространения действия данного нормативно-правового акта на отдельных субъектов досудебного и судебного процесса: потерпевших, свидетелей, судебных экспертов и специалистов, переводчиков.

ВЫВОДЫ

Удовлетворение основных интересов людей (их благосостояния, мира, справедливости и т. д.) всегда было и до сих пор остаётся важной целью существования и развития любого цивилизованного общества, т. е. общества, в котором господствует право. В то же время, важно учитывать и то, что достижение данной цели во все времена сопровождалось столкновением с множественными преградами, делающими невозможным достаточное удовлетворение человеческих интересов, вытекающих из их прав. Между тем, базовая неудовлетворённость интересов человека означает, что общество в той или иной мере не будет иметь возможности развиваться, окультуриваться. Вне сомнения, данное имеет важное значение с позиции того, что человек, ориентированный на удовлетворение базовых потребностей, будет частью культуры низшего порядка, а, соответственно – не будет иметь потенциала стремления к культуре среднего и высшего порядка, т. е. того уровня цивилизованности, что обуславливает процесс качественной трансформации цивилизации. При этом, удовлетворение основных интересов людей в обществе возможно лишь в условиях популярности культур среднего и высшего порядка.

Также важно иметь в виду, что достижения обозначенной цели осложняется спецификой сущностного характера и фактической объективации общества – сложной структуры, совокупности различных (зачастую противоположных) интересов членов общества, сто-

лководение которых провоцирует социальные конфликты, исключая устойчивое развитие человеческой цивилизации. Ограничение тлетворного влияния данной закономерности уже несколько тысячелетий обеспечивается путём формирования определенной сбалансированной универсальной сверхидеи – идеи «общего блага», которая сегодня сводится к концепту «Человек – высшая социальная ценность». Данная идея достигается избранными членами общества лидерами-представителями данного общества (законодательной, исполнительной, судебной властью) в соответствии с установленными обществом правилами поведения (неких «обязательных регул»), также предусматривающими правила поведения и самого общества, всех его членов.

Изложенные соображения непосредственно касаются проблематики феномена коррупции, который имеет место в любом обществе, но наиболее распространён и агрессивен в обществах с низкой культурой. Зарождаясь и расширяясь в своём потенциале в умах и деяниях несоциально ориентированных людей, коррупция делает невозможным устройство общества в таком цивилизационном виде, в котором данное антисоциальное явление было бы сведено к минимуму. Данное позволяет нам говорить о том, что предотвращение и противодействие коррупции прежде всего должно быть направлено на просвещение людей и увеличение доступности культур среднего порядка. Параллельно этому, учитывая тот факт, что человек относится к

отряду *primates* и, соответственно, ему свойственны многие отличительные черты поведения представителей данного отряда (главным образом, представителей семейства *hominidae*), необходимым представляется скорейшая максимизация в нормативном и правоприменительном контексте очевидно нерациональности совершения коррупционного деяния и его копирования иными людьми.

Однако, данные стратегии в Украине могут быть достижимы в том случае, если в нормативном аспекте данного государства произойдёт существенное переосмысление субъекта коррупционного преступления, круга лиц, которые могут быть названы ответственными субъектами. Между тем отметим, что сведения, изложенные, критически проанализированные и систематизированные в данной научной статье, позволяют переосмыслить актуальную сложную структуру субъектов коррупционных преступлений в Украине, а также определить преимущества данной структуры и её некоторые недостатки. Ввиду этого, соответствующие выводы позволяют оптимизировать как процесс дальнейшего исследования структуры субъектов коррупционных преступлений по действующему законодательству Украины (в т. ч. в компаративистском контексте), так и реверсировать, усовершенствовать правовое регулирование предотвращения и противодействия коррупции в Украине и в иных постсоветских государствах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Frieske, K. W. (2001). *Socjologia prawa*. Warszawa-Poznań: Iuris (in Polish)
2. Hladky, V.V. (2018). *Praktyka Yevropeiskoho sudu z prav liudyny u diialnosti orhaniv pravosuddia yak antykoruptsiyniy instrument: problemy ta shliakhy yikh vyrishennia* [Practice of the European Court of Human Rights in the activities of the judiciary as an anti-corruption tool: challenges and ways to their solution]. In *Practice of the European Court of Human Rights in the activities of the prosecutor's office and the court: challenges and perspectives* (pp. 35–39). Kyiv: Publish House of the National Prosecutor's Office of Ukraine (in Ukrainian)
[Гладкий, В.В. (2018). Практика Європейського суду з прав людини у діяльності органів правосуддя як антикорупційний інструмент: проблеми та шляхи їх вирішення. В *Практика Європейського суду з прав людини в діяльності органів прокуратури і суду: виклики та перспективи* (с. 35–39). Київ: Вид-во Нац. акад. прокурат. України].
3. Hladky, V.V. (2018). *Bazovi interpretatsiini hipotezy kontseptu koruptsii* [Basic Interpretative Hypotheses of the Concept of Corruption]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, 7-3(39), 58–65 (in Ukrainian)

- [Гладкий, В.В. (2018). Базові інтерпретаційні гіпотези концепту корупції. *Актуальні наукові дослідження в сучасному світі*, 7-3(39), 58–65].
4. Hladky, V. V. (2019). *Sutnist' ta znachennja fenomenu korupcii* [Essence and Value of the Phenomenon of Corruption]. *Journal of the South Regional Center of National Academy of Legal Sciences of Ukraine*, 18, 124–132 (in Ukrainian)
[Гладкий, В.В. (2019). Сутність та значення феномену корупції. *Вісник Південного регіонального центру Національної академії правових наук України*, 18, 124–132].
 5. Hladky, V. V. (2017). *Kryterii osudnosti subiekta koruptsiinoho zlochynu u svitli norm Kryminalnoho kodeksu Ukrainy* [Criteria of Sanity of the Subject of Corruption-Related Offences in the View of the Norms of the Criminal Code of Ukraine]. *Comparative-Analytical Law*, 6, 295–298 (in Ukrainian)
[Гладкий, В.В. (2017). Критерії осудності суб'єкта корупційного злочину у світлі норм Кримінального кодексу України. *Порівняльно-аналітичне право*, 6, 295–298].
 6. Moroz, A. O. (2014). *Sub'jekt zlochynu vtruchannja v dijalnist' zahysnyka chy predstavnyka osoby* [A Subject of the Interference into Advocacy's or Person's Activity Crime]. *Juridical science*, 7, 52–69 (in Ukrainian)
[Мороз, А.О. (2014). Суб'єкт злочину втручання в діяльність захисника чи представника особи. *Юридична наука*, 7, 52–69].
 7. Vartanyan, G. A. & Onischenko, O. R. (2017). *K voprosu o nastuplenii vozrasta ugovnoj otvetstvennosti* [The Question of the Onset of the Age of Criminal Responsibility]. *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 1(50), 206–210 (in Russian)
[Вартанян, Г. А. & Онищенко, О. Р. (2017). К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности. *Вестник Омского университета. Серия: Право*, 1(50), 206–210].
 8. Kubicek, B., Korunka, C., & Ulferts, H. (2012). Acceleration in the care of older adults: new demands as predictors of employee burnout and engagement. *Journal of Advanced Nursing*, 69(7), 1525–1538. doi: [10.1111/jan.12011](https://doi.org/10.1111/jan.12011)
 9. Rosa, H. (2003). Social acceleration: ethical and political consequences of a desynchronized high-speed society. *Constellations*, 10(1), 3–33. doi: [10.1111/1467-8675.00309](https://doi.org/10.1111/1467-8675.00309)
 10. Hladky, V. V. (2018). *Kontseptualizatsiia informatyzatsii pro stan koruptsii u derzhavnykh orhanakh Ukrainy* [Conceptualization of Informatization about the State of Corruption in State Bodies of Ukraine]. In *Legal principles of organization and implementation of public authority* (pp. 35–38). Khmelnytsky: Khmelnytsky University of Management and Law Publish (in Ukrainian)
[Гладкий, В. В. (2018). Концептуалізація інформатизації про стан корупції у державних органах України. В *Правові засади організації та здійснення публічної влади* (с. 35–38). Хмельницький: Вид-во Хмельн. ун-ту управл. та права].
 11. Vaulina, T. I. (2016). *Otvettstvennost' za korrupcionnye prestuplenija: mezhdunarodnyj i ugovno-pravovoj aspekty* [Liability for Corruption Crimes: International and Criminal Law Aspects]. *Rossijskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka*, 6(96), 37–40 (in Russian)
[Ваулина, Т. И. (2016). Ответственность за коррупционные преступления: международный и уголовно-правовой аспекты. *Российское право: Образование. Практика. Наука*, 6(96), 37–40].
 12. Kubiak, A. (2013). *Działania antykorupcyjne – wybrane przykłady*. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Oeconomica*, 288, 45–57 (in Polish).
 13. Liszewska, A. (2015). *Zakres bezprawności "korupcji urzędniczej" – przyjmowanie korzyści a pełnienie funkcji publicznej*. *Kontrola Państwowa*, 5(60), 917–926 (in Polish).
 14. Walczak-Duraj, D. (2011). Podstawowe uwarunkowania dysfunkcji administracji publicznej. In Z. Janowska (Ed.), *Dysfunkcje i patologie w sferze zarządzania zasobami ludzkimi* (pp. 38–61). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego (in Polish).

15. Mikhalchenko, A.M. (2017). *Koruptsiia v Ukraini kryminolohichna kharakterystyka determinatsiia ta zapobihannia* [Corruption in Ukraine: Criminological Characteristics, Determination and Prevention] (Doctoral thesis). Kyiv: n. d. (in Ukrainian)
[Михальченко, О. М. (2017). *Корупція в Україні: кримінологічна характеристика, детермінація та запобігання* (Кандидатська дисертація). Київ: n. d.].
16. Orlov, Yu. V. (2016). *Polityko-kryminolohichna teoriia protydii zlochynnosti* [Political-criminological Theory of Counteracting Criminality] (Doctoral thesis). Kharkiv: n. d. (in Ukrainian)
[Орлов, Ю. В. (2016). *Політико-кримінологічна теорія протидії злочинності* (Автореферат кандидатської дисертації). Харків: n. d.].
17. Sorochkin, R.A. (2014). *Sotrudnik "organizacii chastnogo sektora" kak special'nyj sub'ekt korrupcionnogo prestuplenija v mezhdunarodnom prave* [Employee of non-public area as the special subject of corruption crimes in international law]. *Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki*, 1, 125–128 (in Russian)
[Сорочкин, Р.А. (2014). Сотрудник «организации частного сектора» как специальный субъект коррупционного преступления в международном праве. *Проблемы экономики и юридической практики*, 1, 125–128].